

с нашей точки зрения, сами по себе не могут инициировать феноменологические, т.е. присваивающие событиям значения на имманентном уровне сознания, *смыслополагающие акты*, в которых современное сознание узнавало бы собственные содержания и переживания.

Для того, чтобы можно было говорить о действительном восприятии события Холокоста современным белорусским сознанием как события близкого и для актуализации исторической памяти о Великой Отечественной войне конститутивного, необходимо научиться видеть в нем историчность собственного бытия, вскрыть *сущностную*, а не только хронологическую и пространственно-географическую связь с национальными трагедией и подвигом в годы Великой Отечественной войны, а это уже историософская проблема по существу.

В данном ключе историософия предстает в качестве смыслового конститутивного элемента актуализации исторической памяти, представляя неотъемлемую и глубоко разработанную форму рефлексии в русской и белорусской духовно-нравственной и религиозно-философской традициях, что позволяет сделать для нас более понятными и близкими фундаментальные интенции феноменологии события, основываясь на *собственном* опыте осознания смысла истории.

Список литературы:

1. Герасимова, И. Марш жизни. Как спасали долгиновских евреев / И. Герасимова. – М. : Издательство АСТ, 2016. – 352 с.
2. Неретина, С.С. Бердяев и Флоренский: о смысле исторического / С.С. Неретина // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 67–83.
3. Романо, К. Авантюра времени. Три эссе по феноменологии события / К. Романо. – М. : РИПОЛ-классик, 2019. – 220 с.
4. Хайдеггер, М. Вклады в дело философии. От события / М. Хайдеггер // 'Ερμηνεία (Герменейя). Журнал философских переводов. – 2009. – № 1. – С. 56–94.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА

*Н.О. Плющакова
Могилёв, ГУО «Средняя школа № 32 г. Могилёва»*

Тема исторической памяти и государственной идеологии, как и тесно связанные с ней вопросы национального наследия, традиций, самосознания, национального возрождения, с неожиданной остротой встали в нашем обществе в последние десятилетия, явившись закономерным следствием распада Советского Союза и образования на его месте молодых независимых государств, в которых – и наша страна не стала тут исключением – началась активная работа по поиску своих национальных корней и истоков государственности. И порой чем более смутными и неопределёнными были эти корни, тем напряжённее были изыскания по их

выявлению и прояснению, превращавшиеся сплошь и рядом в откровенное мифотворчество, имевшее крайне отдалённое отношение к историческим исследованиям и к науке вообще.

Ярким примером подобных подходов явилось творчество белорусского историка и писателя Николая Ермоловича, многие исторические построения которого – небесспорные, мягко говоря, с научной точки зрения – стали краеугольным камнем определённого направления новейшей белорусской историографии и оказывают немалое влияние на историческое сознание некоторой части белорусской интеллигенции. Под видом разоблачения советских «мифов» Ермолович по сути создал новую, хорошо продуманную и выверенную, подкреплённую многочисленными аргументами (по большей части сомнительного свойства) национальную мифологию, в идеалистическом и романтическом духе трактующую вопросы происхождения белорусов как нации и возникновения белорусской государственности. При этом безоговорочно отвергался и отбрасывался как нечто негодное и безнадежно устаревшее тезис советской и, шире, марксистской – а в какой-то мере и вообще традиционной позитивистской – науки о нации как сложившейся на определённой территории общности людей с единой культурой, традициями, языком, психическим складом, в процессе складывания которой решающую роль играют экономические факторы. Всё это для Ермоловича и его последователей не очень существенно и отнюдь не является определяющим. Экономика, как и в целом материальные факторы, для них не главное. Главное – национальный дух, главенствующая идея, вдохновляющая и ведущая нацию в продолжение всей её истории по пути к величию и процветанию. [1, с. 131]. И пусть путь этот не всегда ровен и гладок, не усыпан розами, а напротив, довольно часто изрезан ухабами и рытвинами, затрудняющими движение вперёд, само это движение неуклонно и неостановимо, а цель его неизменна и рано или поздно достижима. А нация – не обусловленная экономическими причинами общность, как утверждают материалисты, а живой организм, единое целое, на протяжении всего своего существования одушевлённое и вдохновлённое великой идеей, владеющей всеми её представителями без исключения, вне зависимости от класса, возраста, пола, религиозных и политических убеждений.

Подобные взгляды не новы, и Ермолович далеко не первый, кто их исповедует. Это определённый тренд в мировой науке, получивший особенно активный отклик в постсоциалистических странах, научная общность которых рьяно избавляется от марксистского прошлого, порой, образно говоря, вместе с водой выплёскивая и младенца, то есть многое ценное и содержательное, что было наработано предшествующими поколениями учёных. Всё это без достаточно убедительных оснований объявляется устарелым и непригодным для новых задач и целей, стоящих перед современной наукой. Что, кстати сказать, по-своему логично

и оправданно, поскольку методы достижения целей должны соответствовать самим этим целям.

Но, быть может, сторонники подобных взглядов и подходов не так уж неправы? Может быть, в их теориях есть определённое рациональное зерно, позволяющее более широко, всесторонне и свободно, без навязчивого давления жёсткого экономического детерминизма, рассмотреть проблему возникновения и развития наций и в целом весь комплекс проблем, связанных с национальным вопросом? Может быть, нация – это действительно не результат длительной, проходящей несколько больших этапов, исторически обусловленной и закономерной эволюции этнической общности, последовательно проходящей сложный, многообразный путь развития от рода и племени к более крупным и устойчивым объединениям, а некий идеологический конструкт, произвольно, а порой и искусственно создаваемый правящими элитами в своих политических целях [2, с. 31]?

Как бы там ни было, нельзя не признать, что в истории практически любого народа есть переломные моменты, своего рода реперные точки, важнейшие, эпохальные события, заставляющие различные, порой разрозненные и даже враждующие между собой части населения сплотиться, консолидироваться ради достижения общей цели, оставляющие в коллективной народной памяти глубокий отпечаток и на долгое время определяющие основы национального самосознания. Как правило, это события, связанные с отражением иностранной агрессии или глубокими, революционными преобразованиями в жизни общества. Так было, например, в Древней Греции в период греко-персидских войн, когда жители разных греческих полисов, никогда не испытывавшие взаимной симпатии, соперничавшие и воевавшие друг с другом, в условиях нависшей над страной угрозы завоевания и порабощения забыли на время о своих длившихся веками противоречиях и распрях, преодолев недоверие и подозрения, объединили свои силы для отпора общему врагу и впервые ощутили себя не афинянами и спартанцами, коринфянами и аркадцами, а в первую очередь эллинами, сыновьями и дочерьми одной страны, нуждающейся в их помощи и защите. И не тускнеющая со временем память о героях Фермопил и Саламина, отстоявших в неравной борьбе свободу и независимость Родины, вот уже две с половиной тысячи лет является для греков вдохновляющим примером народного единения, неиссякаемым источником национальной гордости, помогавшим греческому народу сохранять мужество и надежду в самые тяжёлые и мрачные периоды своей истории. Другой, не менее яркий пример – Франция времён Столетней войны, когда жители различных областей страны – нормандцы и бретонцы, гасконцы и шампанцы – в длительной совместной борьбе с иноземным вторжением впервые почувствовали себя прежде всего французами, единой нацией с общей историей, культурой, языком, традициями, национальными интересами и целями. Примерно то же самое произошло с войнами русских княжеств, до этого веками изнурявших себя в бесконечных

кровавых междоусобицах, когда в 1380 г., одержав легендарную победу на Куликовом поле, они возвращались домой с осознанием неразрывного единства всех русских людей [3, 60].

Не являются ли подобные точки высшего напряжения, пассионарного взрыва народной энергии и патриотизма исходным пунктом рождения нации? Или, по крайней мере, мощным толчком к началу либо более стремительному развитию этого закономерного исторического процесса, который так или иначе проходят все более или менее значительные этносы, не важно даже, имевшие либо не имевшие своей государственности. На этот вопрос можно ответить скорее утвердительно. Подобные события играют роль, используя выражение Маркса, «локомотивов истории», подталкивающих исторический прогресс, в частности, в такой сложной и специфической его сфере, как этногенез.

Таким образом, только таким – естественным, исторически обусловленным, закономерным – путём происходит процесс возникновения и формирования наций, а на этой основе – формирование исторической памяти народа и идеологии государства. Путь этот, как правило, трудный, драматический, подчас мучительный, далеко не всегда прямолинейный, чреватый задержками, остановками, а то и временными откатами вспять, но в конечном итоге неизбежный и неотвратимый.

Список литературы

1. Основы идеологии белорусского государства: Учеб. для вузов/ под ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 2004. – 690 с.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. Е М., 1990.
3. Яскевич, Я.С. Человек и общество. Вопросы и ответы: Справочное пособие. Е Мн., 2001.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК СОБЫТИЕ ОБЩЕГО ПРОШЛОГО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН

*В.Н. Ракачев, Д.Н. Ракачев
Краснодар, Кубанский государственный университет*

В условиях современного общества обращение к исторической памяти является чрезвычайно важным и актуальным, особенно в фокусе информационной войны. Устоявшиеся исторические схемы подвергаются переосмыслению и переоценке. Наиболее интенсивно эти процессы происходят в республиках бывшего Советского Союза, где конструируется новая национально-государственная идентичность и изучению национального прошлого отводится ведущая роль. В этом плане интересен